
Lumen
Culturae

Воссияют мудрые во славе, как светила на тверди, а обратившие многих к правде, — как звезды, вовеки

(Даниил 12:3)

Серия Lumen culturae
основана в 2023 г.

Габриэль Марсель

Люди против человеческого

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2025

УДК 1(091)
ББК 87.3
М 28

Главный редактор и автор проекта Lumen culturae
С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осиновская

Редакционная коллегия серии:
Е.Н. Балашова, И.И. Блауберг, Г.В. Вдовина, И.С. Вдовина,
Б.Л. Губман, Г.И. Зверева, В.К. Кантор, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская,
Н.Б. Маньковская, А.К. Сорокин, П.В. Соснов

Редактор: М.П. Крыжановская

Серийное оформление: П.П. Ефремов

М 28 **Марсель Г. Люди против человеческого** / сост., вступительная статья, пер. с фр., примечания В.П. Визгина. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. – 208 с. (Серия Lumen culturae)

ISBN 978-5-98712-496-3

Книга основоположника французского экзистенциализма Габриэля Марселя (1889–1973) посвящена социальной философии применительно к самым актуальным проблемам европейской цивилизации, обозначившимися со всей трагической остротой после окончания Второй мировой войны. Основой для развиваемого Марселем подхода к этим остающимся злободневными сюжетам мировой философии выступают принципы христианского гуманистического миросозерцания. Французский мыслитель, используя феноменологический метод, анализирует такие явления, как «техники унижения» достоинства человека, «фанатизированное сознание», пропаганда, кризис духовных и нравственных ценностей в массовом обществе, упадок духа бескорыстного служения, технократизация и бюрократизация социума. Марсель не ограничивается психолого-социологическим уровнем анализа и выходит к метафизическому основанию всех этих проблем, обращаясь к таким концептам, как, например, эсхатология истории, ее цели и смысла.

В приложении дается перевод статьи выдающегося ученика Марселя Поля Рикёра, посвященной этой книге и помогающей читателю глубже понять социальную мысль его учителя.

УДК 1(091)
ББК 87.3 (4Фра)

ISBN 978-5-98712-496-3

© С.Я. Левит, автор проекта «Книга света», составитель серии, 2025
© В.П. Визгин, составление тома, перевод, 2025
© Центр гуманитарных инициатив, 2025

В.П. Визгин
Социальная философия Габриэля Марселя

Эта книга, увидевшая свет в 1951 году, удивительно актуальна сегодня, когда под давлением перемен в самой повседневной жизни не могут не обновляться философские убеждения людей во всем мире, а особенно, быть может, в России, принимающей сейчас серьезные вызовы истории. Говорить мы можем только общими и «затертыми» словами. Но искусство мысли состоит в том, чтобы сквозь кору неизбежного износа слов и представлений находить пути от одной души к другой. Сейчас происходит оформление нового консервативного мировоззрения с явно религиозной, прежде всего христианской, окраской, причем без крайностей как облегченного оптимистического экуменизма, так и слишком на себе замкнутого конфессионального «фундаментализма». В повестку дня духовно-философского поиска ставится задача продвижения по пути гибкого и творческого, но в то же время твердо стоящего на незыблемых вероисповедных опорах христианского консерватизма, принимающего вызов упоенного собой неолиберального глобализма, вообразившего себя триумфатором мировой истории, приведшего ее к «концу». Поразительно, насколько переведенная нами книга Габриэля Марселя (1889–1973) согласуется с намечающимся поворотом в философско-мировоззренческой ориентации, способным привести, как нам представляется, к новому продуктивному видению современной проблематики.

XX век оставил нам наследие глубокого кризиса европейской цивилизации, вызвавшего необычайно сильный всплеск проницательной философской рефлексии разного плана. Задачами такого осмысления были, если говорить кратко и просто, постановка диагноза «болезни» современного мира, во-первых, и, во-вторых, попытка определения путей «терапии». Философской диагностике кризиса XX столетия, уходящего своими корнями в толщу европейской истории, посвящены блистательные работы таких мыслителей, как Хосе Ортега-и-Гассет, Карл Ясперс, Романо Гвардини, Николай Бердяев, Эммануэль Мунье и многие другие. Предлагае-

мая российскому читателю работа Габриэля Марселя, посвященная этой же проблеме, стоит в том же ряду.

В XXI веке глобализация, как она осуществляется «коллективным Западом» и подхватывается другими странами, в том числе Россией, не решает кризисных проблем XX века, а только добавляет к ним новые, углубляет общий кризис, делая его еще более трудно преодолеваемым. Это видно эмпирически по убыли надежд и светлых чаяний у человека, живущего в XXI веке, по сравнению с человеком прошлого столетия. Сейчас вообще, кажется, забыли о надежде и радужных перспективах, заменив их безоглядной «дигитализацией» всей жизни человека. Антиутопии легко выдаются и, главное, без критического сопротивления многими принимаются за то, что раньше называлось «утопиями», то есть лучезарными проектами будущего. Наша сегодняшняя реальность кажется совсем уж утонувшей в трясине торжествующих технократии и машинизации человеческих связей. Марсель еще в середине XX века называл это явление «технобесием». Кажется, что окончательно пришло время новых «бесов», ставших уже привычными и потому в значительной мере утративших свою «бесовщину», и выхода из «энтропийной ямы», в которую стремительно вовлекается человек, никто уже и не ищет. «Одним из самых глубоких и самых пророческих романов, которые вообще когда-либо были написаны»[1], Марсель считает упоминаемых в этой книге «Бесов» Достоевского. Увлечение Ницше Достоевским, не без основания полагает он, было, видимо, достаточно поверхностным, в противном случае русский писатель вполне мог бы убедить автора «Заратустры» в истине совсем другого взгляда на мир[2].

Вот еще один пример проницательности Марселя, актуальности его анализа для нашего времени. Если глобализацию понимать как по преимуществу униформизацию жизни на всей планете, то как тут не обратить внимание на слова французского философа в эссе «Техника и грех»: «...униформизация вместо того, чтобы вести людей к конкретному усвоению универсально значимого, напротив, ведет к развитию в их среде порочных интересов, причем все более и более агрессивных, восстанавливая одних против других»[3]!

---

[1] См. об этом в наст. издании. С. 185.

[2] В статье «Пессимизм и эсхатологическое сознание», включенной в настоящую книгу, Марсель говорит, что если бы Ницше глубоко вникнул в творчество Достоевского, то или признал бы в нем своего грозного противника, или же сам встал на его позицию. См. наст. издание. С. 162.

[3] Наст. издание. С. 76.

Философская рефлексия, однако, не умерла под машинизирующим гипнозом «нового дивного мира». Но никакая философия не может в одночасье, предложив теоретическое решение проблемы современного кризиса, изменить мир к лучшему, оздоровить его, очеловечить, вернув лучик обновленной надежды. Однако расширить, углубить, философски тонко нюансировать понимание современных вызовов с их угрозами она не только может, но и обязана. Ведь именно в этом и состоит само назначение и оправдание философской рефлексии. Такой она была всегда, если судить по гамбургскому счету. Такой будет оставаться и в XXI веке, если суждено ей выжить. Социальная философия Габриэля Марселя именно эту задачу и выполняет, причем не только в отношении к кризису, разразившемуся в прошлом столетии, но и применительно к его новой фазе, поразившей наше существование уже в XXI столетии.

Мне представляется, что сегодня, когда люди мыслящего класса (если таковой еще действительно существует), привыкшие мыслить в подвижных понятиях, максимально приближенных к несущейся вскачь реальности нашего мира и, соответственно, чувствующие растущую усталость от «чистой метафизики», с вниманием прочтут эту книгу, то она может стать для них отличным введением не только в социальную философию основателя французского экзистенциализма, но и в его метафизику бытия, можно сказать, в «фундаментальную онтологию тайны». Дело в том, что в этой книге самые высокие высоты метафизического умозрения открываются доступным образом потому, что к ним ведут тропы, пробитые французским мыслителем по хорошо нам знакомым и привычным уровням бытия – историческим, социальным, политическим и даже экономическим.

После 1945 года имя Габриэля Марселя становится всемирно известным. Выходит сборник «Христианский экзистенциализм: Габриэль Марсель» (1947), французского философа наперебой приглашают с лекциями в разные страны Европы, Америки и Азии. Мир стремительно меняется. Возникает биполярная структура мировой политики, основанная на равновесии силы, отныне ядерной, и вместе с нею реальная возможность уничтожения человечества как целого. В западном интеллектуальном сообществе доминируют сартрианский экзистенциализм, марксизм, психоанализ, происходит ренессанс ницшеанства, развиваются новые формы рационализма, бум переживает философия науки. И удивительное дело, популярность Марселя и его признание в широких кругах образованной публики идут рука об руку с его почти изоляцией в профессиональном философском сообществе. В 1947 году он публикует

важную, с его точки зрения, статью «О смелости в метафизике», рассчитывая оживить интерес к метафизике в духе традиций спиритуализма и заодно пробудить готовность к рискованным новым умозрениям, опирающимся на еще неизученные пласты опыта, оживить метафизическую отвагу среди молодых поколений философов. Но поддержку таким устремлениям своей мысли не находит. Тревожные вызовы исторических перемен, происходивших в первой половине XX века, сделавших мир все более и более зависимым от науки и техники, приводят к консолидации усилий французского мыслителя на социополитической тематике, анализируемой им на глубоком религиозно-метафизическом уровне рефлексии. Тем, кто уже был знаком с его мыслью, в те годы казалось, что как философ он занят преимущественно «камерными» темами умозрительной метафизики, используя, хотя и по-своему, феноменологический метод исследования, но проблем острого социального и политического звучания при этом не касается. Его политические и социальные воззрения редко воспринимались как органически вытекающие из его фундаментальных философских установок. Однако такое восприятие Марселя и его творчества было ошибочным. И поэтому, особенно в условиях послевоенного подъема левых идей, он действительно для многих все более и более выглядел «белой вороной», несмотря в то же время на несомненный рост своей популярности по всему миру. Парадоксально, но это так было, популярность и маргинализация Марселя шли рука об руку.

В начале 30-х годов XX века Жан Валь включил Марселя в число представителей набиравшего силу в то время философского «тренда», обозначенного им как «путь к конкретному»[4]. Понимание ценности конкретного мышления, как известно, было уже у Гегеля, что не мог еще в студенческие годы не заметить Марсель. А затем его решимость идти по пути «конкретной философии» укрепил, чтобы не сказать сильнее, Анри Бергсон. Социальная и политическая тема в те годы действительно оставалась для Марселя вакантной, что не означало, что он ее и тогда, пусть подспудно, не обдумывал. Но после окончания Второй мировой войны пробил час и для нее. И вот в самом начале 50-х годов выходит книга «Les Hommes contre l'humain». Буквальный перевод ее названия – «Люди против человеческого». Однако смысл того, что хочет сказать в ней автор, назвав свою книгу таким образом, хочется пояснить. И переводчики этой книги так и делали.

[4] *Wahl J.* Vers le concret. Études d`histoire de la philosophie contemporaine. Paris. Vrin, 1932. Марсель с его «Метафизическим дневником» рассматривается здесь вместе с У. Джемсом и А.Н. Уайтхедом.

Первое английское ее издание (перевод выполнен Дж.С. Фрезером) вышло под названием «Men Against Humanity» («Люди против человечности», 1952), то есть конкретные люди, живые лица противопоставляются Марселем абстрактной человечности. Во втором английском издании, вышедшем уже в Америке, тот же переводчик, возможно, из-за псевдоморального беспокойства, вызванного опасением задеть гуманистическую «священную корову» («человечность»!), изменил свой первоначальный вариант перевода и передал марселевский заголовок как «Человек против массового общества» («Man Against Mass Society», 1962). Это уже не перевод, а интерпретация, хотя, в общем, и приемлемая, поскольку сам французский философ использует в своей книге термин «массы», прямо указывая в предисловии, что «универсальное против масс – вот, несомненно, настоящий заголовок для этой работы»[5]. Кстати, если бы – предположение само по себе, можно сказать, фантастическое – эту работу переводил Михаил Пришвин, то он, скорее всего, перевел бы ее название как «Люди против человечины». По Пришвину, «человечина» это то, в каждом из нас содержащееся, в чем мы уравнены со всеми другими, в чем от них не отличаемся. Это, так сказать, логическая материя для таких силлогизмов, как, например, «все люди смертны и т.д.». Этому неологизму («человечина») русский писатель придавал в принципе то же самое значение, что и французский философ – абстрактной «человечности»[6].

Немецкий перевод, сделанный Гербертом Шаадом, вышел под названием «Erniedrigung des Menschen» («Уничижение человека», 1957). Переводчик самое важное в этой работе увидел через призму идей, выдвинутых в одном включенном в нее эссе под названием «Техники унижения» («Les techniques d'avilissement»). Марсель делает в нем такой вывод: «Унижено само понятие жизни, а все остальное следует отсюда»[7]. Анализ техник унижения (или уничижения) человека, попытка с помощью философской рефлексии разобраться в причинах их возникновения и распространения действительно характерны для всей данной книги, и эта тема отвечает естественно возникшему сразу после войны стремлению выявить корни тоталитаризма, поискам которых в те годы были посвящены исследования многих интеллектуалов, в том числе философов, например Ханны Арендт. Размышляя об истоках техник унижения

[5] *Marcel G.* Les Hommes contre l'humain / Nouvelle édition. Paris. Éd. Universitaires, 1991. P. 17.
[6] См.: *Визгин В.П.* Пришвин и философия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 78–79.
[7] *Marcel G.* Les Hommes contre l'humain. Paris / Éd. du Vieux Colombier, 1951. P. 49.

человека, Марсель не ставил *знака равенства* между коммунизмом и гитлеризмом, прекрасно отдавая себе отчет в относительной, именно относительной, оправданности такого равенства: «Что бы ни думали, – говорит он, – о коммунизме, невозможно сомневаться, что его смысл несравненно значительнее смысла гитлеризма»[8]. Но при этом ни в какую идеализацию коммунизма он не впадал.

После того как мы рассказали об этом, наш читатель уже получил некоторое представление о тематике и характере этой книги. Но нам бы хотелось вернуться к теме конкретности, поставленной во главу угла в упомянутой работе Жана Валя. В довоенные годы Марсель разрабатывает метафизику и феноменологию конкретности как «экзистенции» и «онтологической потребности» и набрасывает при этом контуры своей «конкретной философии»[9], изнутри собственно философского мышления критикуя «дух абстрактности» (l`esprit d'abstraction), вскрывая его тормозящую творческий поиск роль. А теперь, после пережитой мировой катастрофы, он стремится обнажить опустошительную функцию того же самого духа в социальной практике, в действиях людей, в истории. Кстати, одна из ключевых статей, составляющих эту книгу, так и названа «Дух абстрактности как фактор войны». «Действительно, – говорит Марсель в предисловии к своей книге, – все мое философское творчество, рассматриваемое в его динамике, предстает как неутомимая борьба, без передышки ведущаяся против духа абстрактности»[10].

Идеология, претендующая на философское оправдание равенства и демократии, никогда не внушала Марселю уважения именно потому, что он видел в ней яркое проявление «духа абстрактности», вскружившего головы социальным утопистам эпохи Просвещения[11]. Поэтому не удивительно, что его отношение к идеям Французской революции 1789 года было негативным. Ее теоретики и практики, не без основания считает французский философ, возбудили и дали «зеленый свет» низменным инстинктам человека, которые, в конце концов, захлестнули общество. В результате органическое развитие было необратимо нарушено. Разрушительные последствия плетущего свои абстракции доктринерства и породившего разного рода социально-политические утопии он видел и в новейшей исто-

[8] *Marcel G.* Les Hommes contre l'humain. Paris / Éd. du Vieux Colombier, 1951. P. 178.
[9] Итогом этих поисков стала книга «От отказа к призыву» (Du refus à l'invocation», Paris: Gallimard) 1940, переизданная под названием «Опыт конкретной философии» в 1967 г. См.: *Марсель Г.* Опыт конкретной философии. М.: Республика, 2004.
[10] *Marcel G.* Les Hommes contre l'humain / Nouvelle éd. P. 13.
[11] Философия этой эпохи не привлекала Марселя, оценивавшего ее как «унылую и злобную» (triste et hargneuse).